

ТАЙНА ВЕКА В РУКАХ ИСТОРИКОВ

Уходящий XX век оставил немало трагических страниц в русской истории. Среди них — гибель последнего российского императора Николая II и его семьи. При всей полярности оценок этого факта очевидно, что он символизирует рубеж между старой и новой Россией, требует глубокого осмысления, особенно в контексте нынешней тревожной ситуации в стране.

В оценке этого события давно пора перейти от идеологических трактовок к научно-историческим. Триста лет назад скатилась на плаху голова английского короля, сто лет спустя — французского, а еще через сто лет с небольшим — российского, хотя обстоятельства его гибели до сих пор неясны. Первые две трагедии давно стали достоянием истории, без всполохов классовой ненависти. Видимо, и к третьей пора отнестись так же, предварительно сказав о ней всю правду во имя возрождения России и единства ее народов.

В данной статье не ставится задача переосмысления последнего царствования, которое надломило судьбу отечества, это специальная проблема. Сегодня, накануне 80-летия гибели императора, важнее разобраться в ее обстоятельствах, особенно в интерпретации предполагаемых останков царской семьи, поскольку ошибка в таком деле может привести к национальному позору.

Сразу же после их извлечения из болотной хляби Поросенкова лога в июле 1991 г. без всяких исследований и доказательств они были объявлены царскими, между тем как три четверти века считались полностью уничтоженными. Естественно, что очередная непредсказуемость русской истории не могла не вызвать шока в обществе.

Вместо того, чтобы открыто объяснить народу происшедшее, специальная Правительственная комиссия установила завесу тайны над своей деятельностью. В ее недрах образовалось мощное лобби, которое любой ценой в короткий срок пыталось организовать торжественное перезахоронение, но, как известно, скоро хорошо не делается.

Изначальной грубой ошибкой была попытка проигнорировать важность исторических доказательств. На десяток своих записок по этому вопросу руководству комиссии я, как ее член и профессиональный историк получил ответ... от директора одного из С.-Петербургских музеев Б. С. Аракчеева, поддержанный министром культуры Н. Л. Дементьевой. Автору двух книг о гибели царской семьи было тяжело читать абсолютно неквалифицированную отписку «ревнителей» русской культуры.

Неудивительно, что подобный уровень экспертизы привел к всеу принятому решению комиссии о подлинности царских останков и

необходимости их захоронения в императорской усыпальнице С.-Петербурга. Слов нет, их давно пора захоронить. Еще два года назад мы предлагали это совершить на месте убийства, в Екатеринбурге, в символической могиле до выяснения спорных вопросов. А пока они не сняты, есть опасность «обрести» лже-мощи, что станет вызовом общественному мнению, рухнут остатки веры в российскую государственность, ее руководителей и Православную Церковь.

На чем основывается такое беспокойство? Дело в том, что загадка века, связанная с гибелью Николая II, обросла многочисленными гипотезами и экзотическими мифами. На западе опубликовано более 50 специальных монографий (1) и десятков в России (2).

Учесть статейные публикации нет никакой возможности. Их тысячи. В этой литературе уживаются полярные точки зрения — от признания гибели всех членов семьи и уничтожения останков до полного сохранения семьи. Есть книги, написанные на «белых» источниках, есть — на «красных», есть художественные произведения, есть сборники документов, но нет ни одной профессиональной работы, где была бы проанализирована вся совокупность фактов, относящихся к расстрелу и сокрытию останков.

Между тем, в 1918-1924 гг. и в 1991-1998 гг. проведены многочисленные следственные действия, экспертизы, в том числе генетические, которые призваны убедить общественность в том, что проблема решена с исчерпывающей полнотой: вся царская семья уничтожена, а останки идентифицированы. Беда однако в том, что общественность никак не может поверить в истинность приводимых доказательств.

Относясь с большим уважением к профессионалам в своей области, мы так же сомневаемся в их выводах. Весь вопрос в том, что громкое царское дело нарочито запутано, как со стороны «красных», так и со стороны «белых», как в начале века, так и в его конце. Как ни парадоксально, но это прослеживается даже при беглом сопоставлении книг М. Дитерихса, Н. Соколова и писаний Я. Юровского, П. Быкова, а также следует из предвзятости старого соколовского и нового соловьевского следствий.

Очевидно, что в таком сложном вопросе должны быть учтены все доказательства, в том числе и исторические, поскольку рассматриваемому уголовному делу 80 лет. Никакие суперсовременные методики не могут обойтись без элементарных исторических фактов, которые нередко противоречат результатам самых дорогостоящих экспериментов, потому что абстрагированы от реальной действительности.

В конце концов пора понять, что речь идет не о рядовом вчерашнем убийстве, а об историческом событии, которое тщательно готовилось и не менее тщательно скрывается многие годы. Прежде чем вести конкретные следственные действия по предполагаемым останкам царской семьи, необходимо было разобраться в истори-

ческой подоплеке событий, выстроить событийный ряд, установить его соответствие господствующей версии, найти медицинские показатели опознаваемых объектов, а потом уже проводить дорогостоящие экспертизы или хотя бы вести их параллельно. Такой подход позволил бы создать надежную исходную базу следствия, во много раз удешевил бы его и гарантировал доверие к нему со стороны общественности.

Поскольку ничего подобного не было сделано, то следственные эксперименты подгонялись под воображаемые исторические реалии: все обитатели Ипатьевского дома были уничтожены одномоментно; в захоронении находится семья, по полу и возрасту соответствующая Романовым; сроки захоронения адекватны времени гибели царя и т.д. Когда какие-то аргументы следствия ставились под сомнение, они тут же менялись на противоположные. Сначала было объявлено что в захоронении находится царская дочь Мария, но нет Анастасии, потом вдруг стали утверждать, что Анастасия там, а Марии нет. Можно предположить, что перемены произошли вследствие уточнения антропометрических показателей, но они имеют принципиально разные параметры. Прижизненные данные свидетельствуют, что по телосложению Мария и Анастасия резко отличались. Разница в росте достигала 10 см., что не заметить невозможно.

Попытаемся на основе введения в научный оборот новых документов и скрупулезного сопоставления известных фактов, с одной стороны, сформулировать те задачи исторической экспертизы, которые могли облегчить следствие и повысить его доказательность, а с другой стороны, проследить противоречия, возникшие в результате игнорирования исторических фактов. Прежде всего, необходимо осмыслить официальные документы, констатирующие смерть царской семьи. О расстреле Николая II было объявлено в советской газете «Известия» 19 июля 1918 г., что можно признать свершившимся фактом.

О гибели остальных членов семьи нигде никогда официально не сообщалось. Некоторое исключение составляет широко известная телеграмма, якобы обнаруженная белым следствием на Екатеринбургском почтамте после ухода большевиков и расшифрованная помощниками следователя Н. Соколова. Она гласит: «Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации» (3). Поверить в такой откровенный подарок большевиков трудно. Настораживает и то, что телеграмма три четверти века без всякой проверки цитируется по Соколову. Не исключено, что за теми цифрами скрываются совсем другие слова. На сегодня это единственное свидетельство гибели всей семьи, и оно должно быть подтверждено специальной экспертизой. Что касается воспоминаний Я. Юровского, то, во-первых, они по определению не могут восприниматься как вполне достоверное свидетельство,

во-вторых, доказано, что они написаны историком М. Покровским, который в расстреле не участвовал. Попытки же искать однозначную ленинскую директиву на расстрел нам представляются бесперспективными. Скорей всего, если и было какое-то решение, то письменно оно не фиксировалось, потому что за него не хотели нести ответственность. К тому же в условиях острейшего кризиса советской власти в первой половине июля 1918 г. среди большевиков не было единства, и разные группы имели своих наблюдателей в Екатеринбурге. Следовательно, какой-либо серьезной документальной основы о гибели всей семьи Романовых нет, по крайней мере, она не обнаружена.

О самом расстреле написано много, едва ли не поминутно и чуть ли не о каждом участнике, но почему-то полностью игнорируется версия о том, что узники Ипатьевского дома могли покидать его не одной партией. Приведем три из многочисленных доказательств. Первое. 4 ноября 1918 г. в Екатеринбургском уголовном розыске в связи с дознанием об убийстве императора была допрошена официантка из Ипатьевского дома Е. Томилова. Она показала: «Я хорошо помню и категорично это утверждаю, что в тот день, когда большевики на митинге объявили о расстреле бывшего государя, я носила в тот день обед для царской семьи и лично видела в столовой Государя и всю его семью... Спустя один день после объявления в газете о расстреле бывшего государя мне выдали обед для царской семьи только на девять человек (раньше было 11 — В. А.), и я опять унесла в Ипатьевский дом, но бывшего Государя, доктора и третьего мужчину я не видела, а видела лишь дочерей Государя... 23 июля в советской столовой уже не было поваров, и обед для царской семьи я не носила... я решила сходить за посудой... во всех комнатах было пусто и никого из царской семьи уже не было видно». Этот рассказ подтвердила хозяйка квартиры, где жила официантка (4).

Второе. Сестра председателя Уральского ЧК Ф. Лукоянова, Вера, попав в плен к белым, призналась, на основе известной ей от брата конфиденциальной информации, что убит один император, а его семья вывезена в Пермь. Правда, позднее она подкорректировала свои показания, но от этого они не утратили своей значимости.

Третье. До десятка свидетелей, в том числе известный доктор П. Уткин подтвердили следователю А. Кирсте, что за р. Камой (недалеко от Перми) при попытке к бегству была схвачена женщина, которую называли великой княжной. По свидетельству доктора, она ему призналась: «Я дочь государя, Анастасия» (5). Вообще, пермский след царской семьи, основательно проработанный в западной историографии (А. Саммерс и Т. Мэнгольд, М. Ферро), остался незамеченным в России, а зря. Он таит в себе заряд разрушительной силы в деле с екатеринбургскими останками.

В этих свидетельствах можно усомниться, но почему тогда безоговорочно принимаются на веру записки Я. Юровского и др. Их

доказательность несколько не выше. Вопрос видимо в том, что необходима генеральная проверка имеющихся данных, их сопоставление по материалам белого и современного следствий, а также многочисленных публикаций. Не исключена возможность выявления новых документов при фронтальной проверке отечественных и зарубежных архивохранилищ.

Вызывает много вопросов сокрытие предполагаемых трупов царской семьи и их последующее обнаружение. Об этом написано немало, но до сих пор документально не подтверждено, что именно они в июле 1918 г. были закопаны под мостиком из шпал на Коптяковской дороге под Екатеринбургом, а в июле 1991 г. извлечены.

Наводит на размышление и другой факт. Известны две фотографии 20-х гг. На одной из них участник уничтожения Романовых П. Ермаков стоит на настиле из шпал в том самом Поросенковом логу. На другой фотографии — группа лиц устроилась непосредственно за настилом, а прямо на шпалах лежит маузер, видимо, принадлежащий Ермакову. Мостик из шпал как бы взгорбился и похож на свежую могилу, между тем как от времени она, наоборот, должна была осесть (6). Не производились ли с ней какие-то манипуляции в 20-е гг.?

В 1945-1946 гг. по указанию заместителя Л. Берия Б. Кобулова велось специальное расследование обстоятельств расстрела царской семьи. В печати промелькнуло сообщение о том, что при этом тревожилось Коптяковское захоронение. В данной связи любопытно, что по оценке современного следствия этому захоронению 40-50 лет (7). Следовательно, оно относится к середине 40-х гг., что заставляет очень серьезно задуматься.

В 1979-1980 гг. предполагаемую могилу вскрывали А. Авдонин и Г. Рябов, изымали оттуда три черепа и увозили их. Захоронение было разрушено почти полностью (8). Что оттуда было изъято и что возвращено назад, остается неясным.

Наконец, есть принципиально иные указания места упокоения Романовых. По свидетельству заведующего хозяйством рабочего клуба Верх-Исетского завода Кухтенкова, который подслушал разговор участников расстрела, трупы царской семьи были захоронены в двух разных местах (9). А екатеринбургский машинист Логинов достоверно сообщил своей пермской родственнице, что он по указанию комиссаров увозил тело расстрелянного Николая Романова на станцию Богданович (10). Возможно, это последнее сообщение и не соответствует действительности, хотя находится в корпусе авторитетных документов, но оно так же имеет право на рассмотрение, как и воспоминания Я. Юровского, на которых базируется вся Коптяковская версия.

В конечном счете, вопрос о подлинности Коптяковского захоронения остается недоказанным. Он не подкрепляется убедительными документами, но это не означает их полного отсутствия. Если внимательно,

фронтально изучить необходимые архивные фонды того периода, особенно красноармейские, партийные, чекистские, то представится возможность или подтвердить отстаиваемую нынешним следствием точку зрения, или окончательно ее опровергнуть. В любом случае, это будет необходимый законченный результат, а не та неопределенность, которая существует сейчас.

Теперь о прижизненных медицинских показателях. Остановимся на черепе № 4, приписываемом Николаю II. В представлении прокурору Казанской судебной палаты от 26 ноября 1918 г. сообщалось, что «по заявлению доктора Деревенько (врача наследника. — В. А.) характерной и неизгладимой приметой трупа государя Николая II может служить костная мозоль на левом виске — след от удара в голову во время посещения его в бытность наследником Японии» (11). Эта информация впрямую адресована современным судмедэкспертам, но они не придали ей должного внимания, сообщив обществу, что костной мозоли нет, да и быть не могло в связи с незначительностью ранения (12).

Между тем, из материалов консилиума русских врачей, состоявшегося 29 апреля 1891 г. (в день ранения Н. Романова) в г. Киото, следует другое. В ране был найден клиновидный осколок кости длиной 2,5 см. и шириной 2 мм (13). Правда, с правой, а не с левой стороны. Видимо, при записи допущена ошибка. Вырубленный кусок кости не мог не оставить следа. По крайней, мере этот след в течении 27 лет (1891-1918 гг.) наблюдался придворным врачом и был отмечен в описании путешествия наследника на Восток, где фиксировалось, что в черепной кости растреснутой после удара японской саблей, «началось разрушение костного вещества, процесс шел в обе стороны» (14). Косвенным подтверждением сильного удара по голове наследника является и то, что, по воспоминаниям М. Кшесинской, он страдал после этого постоянными головными болями.

Любопытно, что, когда в 1979 г. после вскрытия екатеринбургского захоронения Г. Рябов предъявил судмедэксперту С. Абрамову фотоснимки и слепки черепов, то последний установил по особенностям зубо-челюстного аппарата и следу от удара остроорубающим орудием, что второй череп принадлежал Николаю II. Позднее ничего этого на черепа уже не находили. Комментируя создавшуюся ситуацию, авторитетный судмедэксперт В. Звягин констатировал:

«Единственное, что здесь приходит в голову: либо Сергей Сергеевич (Абрамов. — В. А.) имел дело с другими черепами, либо те слепки, которые ему предъявлялись, имели те следы, которых не имеет названный череп» (15).

В этот вопрос пора внести ясность. Сумели же российские ученые методом исторической экспертизы восстановить полную клиническую картину проникающего ранения в голову русского полковника М. И. Кутузова. Так почему же с такой же убедительностью нельзя идентифицировать череп Николая II, расстрелянного на 150 лет позднее ранения Кутузова?

Стремление к истине побуждает нас привести другой пример, который может противоречить основной линии данной статьи, но он показателен с точки зрения возможностей исторической экспертизы. Из фондов Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника нам удалось извлечь так называемую «Папку Ренделя», которая принадлежала сыну популярного в Сибири дантиста Марии Рендель. Зимой 1917-1918 гг., в период Тобольского заточения царской семьи, к М. Рендель обратился за помощью Николай II (имеется 7 записей по этому поводу в его дневнике). Каково же было ее изумление, когда она обнаружила у бывшего царя «полный рот гнилых зубов» (16).

Этот суровый диагноз имеет принципиальное значение сегодня, поскольку исследователь стоматологического статуса черепов из екатеринбургского раскопа петербургский профессор В. Попов пришел к выводу, что «изменения зубов и альвеолярных отростков челюстей (черепа № 4) указывают на имевшийся при жизни выраженные парадонтоз и хронический воспалительный процесс в области 4-8 зубов по типу одонтогенного остеомиелита» (17). Сопоставление двух диагнозов может пролить свет на идентификацию царских останков и позволит ответить на вопрос: имел ли царь больные зубы, и ему ли принадлежит череп №4?

Дополнительный свет на события в Ипатьевском доме могут пролить впервые опубликованные нами фрагменты екатеринбургского дневника бывшей императрицы Александры Федоровны. Там есть одна любопытная деталь, относящаяся к 7 июля: «... Во время завтрака пришел пред[седатель] обл[астного] ком[итета] с несколькими людьми... Двое человек затем заставили нас показать все наши драгоценности, которые мы имели с собой, и затем переписали их детально, и забрали у нас (куда, насколько, почему (??) не знаю). Оставили мне только два моих браслета, которые я не могла снять, и детям по одному браслету каждой, которые мы дарили и которые нельзя было снять, не забрали обручальное кольцо N., которое нельзя было снять» (18). Такая запись оставляет много вопросов. Остановимся на двух полярных. Если драгоценности забрали до расстрела, то что тогда снимали с трупов убийцы? Браслеты и кольцо Николая Александровича? Давно известно, что на месте предполагаемого уничтожения трупов найден человеческий палец. Может быть, он принадлежал Николаю II? Видимо, надо искать отрубленные руки женщин, с которых надо было снять браслеты? Это важные свидетельства для идентификации останков.

Перечень подобных исторических свидетельств можно умножить, но уже из приведенных видно, что они крайне необходимы для идентификации останков царской семьи, без них невозможно замкнуть цикл исследований по этому делу. Следует подчеркнуть, что речь идет не об истории вопроса гибели Романовых, а об использовании исторических доказательств в качестве равноправных, наряду с

традиционными следственными процедурами, поскольку рассматривается убийство, состоявшееся три четверти века назад. Подобные документы могут подтвердить устоявшуюся версию гибели семьи и сокрытия останков, а могут и опровергнуть ее. На сегодня вопрос не решен. Исследования должны быть продолжены.

Они могут идти в двух направлениях. Первое — переосмысление уже имеющихся исторических материалов под углом зрения юридических доказательств преступления. Второе направление предполагает выявление новых источников, которые могут восстановить провалы в имеющихся сведениях. Для этого потребуется фронтальный просмотр одних архивных фондов, например, «Придворная медицинская часть Министерства Императорского Двора» (РГИА. ф. 4790), ряда архивохранилищ Кирова (Вятки), куда были эвакуированы документы принципиальной важности после оставления большевиками Екатеринбурга, Перми и выборочное обследование других, касающихся конкретных вопросов темы.

Необходим доступ к архивам Президента РФ, ВЧК, ОГПУ-НКВД-МВД, в которых содержится важная информация по интересующему вопросу. Причем надо идти не путем выборочных запросов, а на основе знакомства с описями соответствующих ведомств. Там ожидаются находки принципиальной важности. Известно, что сразу после расстрела Романовых Я. Юровский увез в Наркомат внутренних дел огромный баул с их документами. Где он? В свое время была подготовлена закрытая «История уральского ЧК», в которой имелся раздел об операции по расстрелу царской семьи, подготовленной на оригинальных документах. Она отправлена в Москву. Где ее искать? Во время работы многочисленных комиссий, в частности ЦК КПСС под руководством А. Н. Яковлева (1964), из уральских архивов в столицу были затребованы важнейшие документы по царскому делу. Где они сейчас?

Не до конца исчерпаны зарубежные архивохранилища, которые содержат редкие, а в ряде случаев уникальные документы. Нам удалось получить так называемое досье Никандра Миролюбова из Гуверовского института войны, революции и мира (США). Оно упоминалось западными исследователями, но в полной мере не вводилось в научный оборот, поскольку без соотнесения с советскими документами мало что дает. Его ценность заключается в том, что екатеринбургский прокурор Иорданский посылал своему шефу, казанскому профессору криминалистики Миролюбову, те сведения первичного следствия, которые не нашли отражения в известном деле Соколова. Интересно, что Иорданский постоянно ссылается на военную разведку, в руки которой поступают важные документы по царскому делу, но они не становятся достоянием официального следствия. По всей вероятности, такие документы можно обнаружить в военном архиве А. Колчака. В Датском Королевском архиве хранится досье тридцатилетнего суда по «Делу Анны Андерсон». Оно содержит уникальные свидетельства о всей романовской трагедии.

В заключение необходимо подчеркнуть, что историческая экспертиза гибели царской семьи может и должна существенно прояснить таинственные страницы этой трагедии. Она послужит важным фактором духовного возрождения отечества, единения народа, доказательством правды и предсказуемости российской истории, исключения самозванчества в ней. По нашим данным, в 20-е гг. только на Урале и в Сибири заявили о себе 18 претендентов на Российский Престол. Об этом повествуют увесистые тома чекистских дознаний, которые предстоит изучить и опубликовать.

Примечания:

1) См. подробнее: Alekseyev V. V. The Last act of a tragedy. Yekaterinburg, 1996.

2) См. подробнее: Алексеев В. В. Гибель царской семьи: мифы и реальность. Екатеринбург, 1993.

3) Соколов Н. А. Убийство Царской семьи. М., 1991, с. 310.

4) ГА РФ. ф. 130, оп. 23, д. 51, лл. 18-19.

5) Библиотека Гарвардского университета. Досье Вильтона № 853919. Протоколы допросов сестры Лукоянова и доктора Уткина.

6) Сонин Л. Покер на костях, или как скрывают правду о судьбе Николая II. Екатеринбург, 1998, с. 135.

7) Новая хроника, № 44, 3 ноября 1995; Неволин Н. Исследования состояния костных останков. // Тайна царских останков. Екатеринбург, 1994, с. 61; Попов В. Судебно-стоматологические исследования останков. — Там же. с. 83.

8) Алексеев В. Гибель царской семьи. с. 247.

9) ГА РФ. ф. 601, оп. 2, д. 36, л. 27-29.

10) Алексеев В. В. Материалы о гибели царской семьи на Урале: из архива Гуверовского института войны, революции и мира (США). // Уральский исторический вестник, 1996, № 3. с. 213.

11) ГА РФ. ф. 601, оп. 2, д. 51, л. 35 об.

12) См. интервью начальника Свердловского областного бюро судебно-медицинской экспертизы Н. Неволлина «Областной газете», 26 мая 1995 г.

13) ГА РФ. ф. 677, оп. 1, д. 701, лл. 12-13.

14) Обнинский В. П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992, с. 19. (Книга впервые издана в 1912 г. в Берлине).

15) См. Звягин В. Н. Демонстрация экспертных материалов. // Государственная легитимность. Вып. 1. М.; СПб., 1994, с. 101; Алексеев В. Гибель царской семьи. с. 264.

16) Тобольский ГИАМЗ. Научный архив. КП-13774, л.л. 8-10.

17) Идентификация останков царской семьи Романовых. СПб. 1994. с. 19.

18) Алексеев В. Гибель царской семьи. с. 100.